

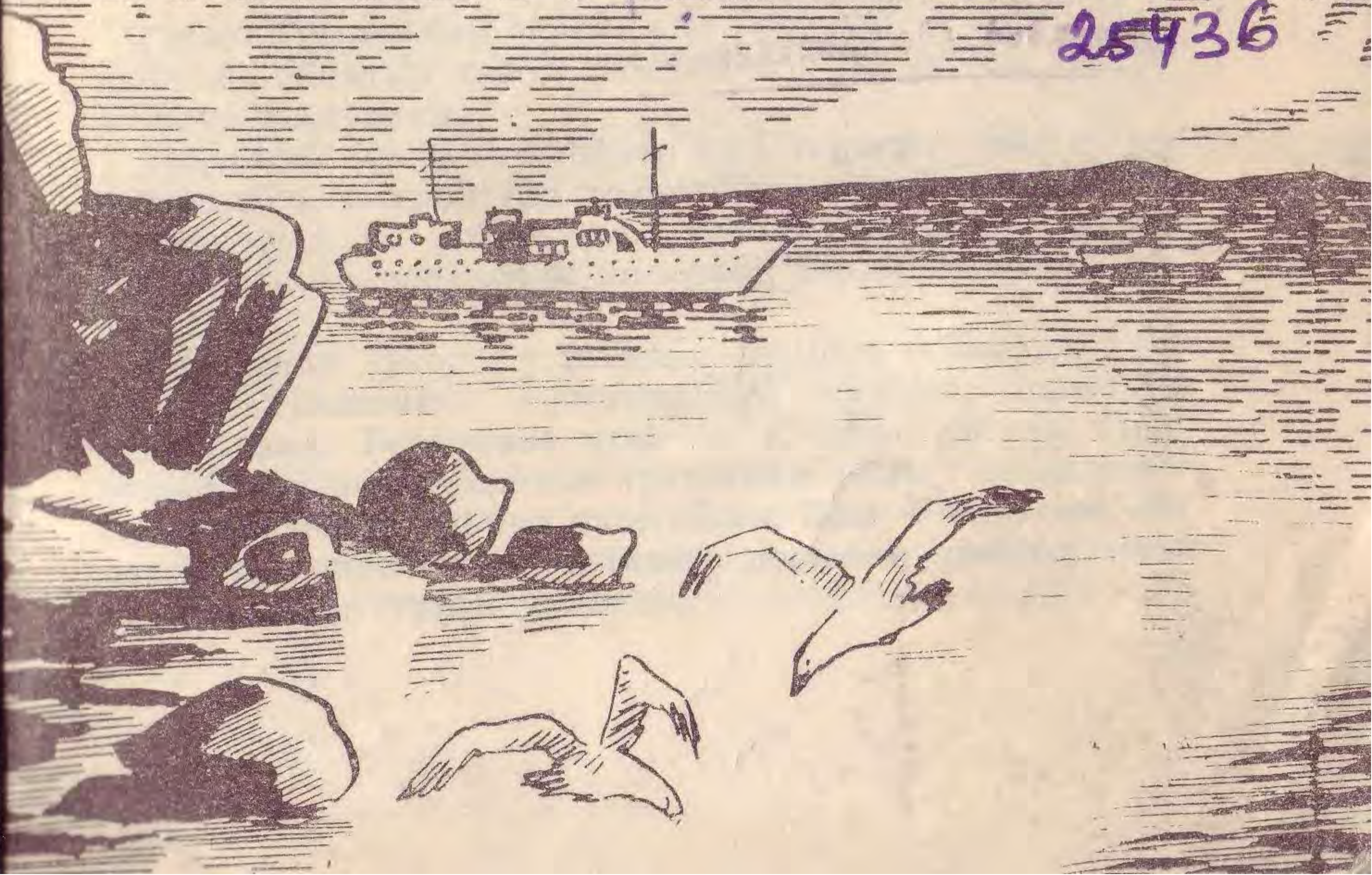
Обложка и рисунки
Ю АНИЛОВА

рзк
Х. 20.

Александр Хариглановский

Я РАД, ЧТО ТЫ ЖИВОЙ

158902
25436

НИППОЛЮКЕН

Пурга была на исходе. Снеговые волны — заструги уже застыли. Только над самыми высокими чуть вихрилась поземка. Пурга, наверное, была последней.

Шел май, солнце не покидало небо. Кусты кедрового стланика, чуя тепло весну, зашевелились, пробивая иглами снеговой полог.

Возле такого зеленого острова корка наста приподнялась, треснула... Но вместо хвои, оттуда показалась остроносая головка, лапы... И вот, весь он, — белый пушистый комок, сбивает с себя снежную пыль. Отряхнувшись, остался таким же белоснежным, и если бы не три черные точки — нос и глаза, не заметишь.

Малыш огляделся и отчаянно заскулил. Тоскливо опущенный хвостик вздрагивал. Широко расставленные лапы искали опоры, но какая же опора — рыхлый снег оленьего тракта.

Бороздя по насту полуголым животом, пополз за солнцем. Полз и скулил. Вдруг писклявые звуки застыли в горле. Уши насторожились, корпус вытянулся — ему послышался скрипящий звук полозьев.

Показалась быстро приближавшаяся цепочка собак.

Нарта!.. Вчера в пургу он выпал из такой же и потерялся в бушующей тундре... Завизжал еще громче и

энергично заработал лапами. Он знал, что нарта — это хозяин, который накормит, это его четвероногие сородичи. Нарта — это жизнь!

— Какумэй! Смотри-ка, — удивился чукча, и воткнув в снег остол (палку с железным наконечником), притормозил нарту. — Нипполюкен — «маленький», — покачал он головой и сунул живую находку за пазуху.

Так у щенка оказался новый хозяин, Киманаху, пастух четвертого оленьего стада из колхоза «Тумгутум», что означает «товарищ».

Бригада Киманаху пасла оленей в долине реки Апуки. Щенок, которого так и называли Нипполюкен, находил эту реку замечательной. В ней много рыбы. А рыбу Нипполюкен любил. Его, как и всех собак, по северному обычаю кормили один раз в день юколой. Но летом

в реку из Берингова моря двинулась на нерест жирная горбуша. Она шла сплошным потоком. Рыбины ворочались, высовывали горбатые спины и большие скользкие морды, теснясь, выпрыгивали на берег.

В этот живой серебристо-серый поток, похожий на расплавленное олово, из которого его хозяин отливал «жиганы» — круглые пули на волков, — было так же страшно попасть, как и отведать настоящего горячего олова. Но Нипполюкен наловчился выхватывать лосося прямо из воды. Он так осмелел, что в узких местах реки перебегал с берега на берег даже по их спинам.

На летних кормах Нипполюкен быстро подрос и к осени уже помогал пастуху. Оленей в стаде больше тысячи. Их надо перегонять на сытные ягельники, охранять от волков... И Нипполюкена всему этому учили, старались сделать из него настоящую оленегонную лайку.

Однажды, во время перегона стада к хребтам, напарник Киманаху сильно заболел. Пришлось наладить нарту и везти его в бригадный стан. За главного в стаде остался Нипполюкен.

...Тихо. Высоко в небе светила луна. Пес лежал возле наглухо закрытой меховой палатки и дремал, но уши чутко прислушивались к дыханию спящих оленей. Внезапно он уловил какой-то шорох. Насторожился, вскочил и без лая побежал по краю стада.

Забеспокоились и олени. Они поднялись, стали сбиваться в кучу. В морозном воздухе раздался треск: животные сталкивались рогами. Минута — и стадо ринулось лавиной.

Нипполюкен бросился наперерез. И нос к носу встретился со взъерошенной тушей: лобастая голова с маленькими ушами, обвисший зад и тощие впалые бока. Медведь!..

— Гав-гав-гау! — залился Нипполюкен и, боясь приблизиться, принялся яростно скрести снег.

Медведь поднялся на дыбы, рыкнул и кинулся на пса. Тот отпрыгнул. Зверь обернулся, размахнулся лапой — мимо. Собака проскочила под животом. Осви-репев, она неожиданно для самой себя цапнула зверя за «штаны», за ляжки, заросшие длинной скатанной шерстью. Еще набег медведя — и опять промах, Нипполюкен, увернувшись, повис сзади.

Медведь крутился, как в колесе, но не мог поспеть за ловким псом. А тот с каждой атакой делался все смелее и, наседая, хватал зверя за ноги, за бока...

От боли и злости Топтыгин ревел, кувыркался и, наконец, почувствовав свое бессилие перед маленьким бесстрашным сторожем, задумал удрать. Припустился было, но Нипполюкен славно умел завертывать быстрых оленей, а с этим неповоротливым дураком, каким показался ему медведь, было куда проще. Беспре-станно хватая врага, собака заставила его топтаться на одном месте.

Неподалеку рос островок кедрового стланика. Искривленные кусты кедрача растеклись по снегу зелеными щупальцами. Медведь разглядел — и туда. Вырвал куст побольше и, подхватив его, двинулся опять в наступление.

Разъяренный, машется, а по собаке попасть не может. Лупит изо всех сил, только иглы зеленые летят. Снег кругом усыпан хвоей. Злится Топтыгин, а собака, хоть и осипла от лая, но прыгает, изворачивается, да еще ухитряется поддеть его зубами.

Видит медведь — дело плохо: не отбиться от пса, не убежать. Устал, язык чуть не на полметра высунулся. Спасение все же нашел: заскочил в глубь хвойного

пяточка. Рассуждает: если сюда лайка забежит, сразу придушу, тут-то ей развернуться негде.

Нипполюкен тоже не глуп, хитрость разгадал. В стланик не лезет, носится возле, и все тут. Только медведь сунется выскочить, лайка сразу туда и хватить за «штаны». Зверь прятаться. Лежит в стланике, глаз с собаки не сводит, а та чуть поодаль, на снегу, и тоже глядит: следят друг за другом. Медведь голову поднимет — Нипполюкен «р-ррр», дескать, я тут, жду. Топтыгин снова в кусты...

Утром на перевале показалась черная точка. Нипполюкен обрадовался — это возвращался хозяин. Собака принялась бегать вокруг кедрача.

Слышит Киманаху, что пес во всю заливается. «Какого-то зверя загнал, — думает. — Лису, наверное».

— Хоть! Хоть! Вперед! Вперед! — подгоняет оленей. На ходу винчестер вынимает.

Из стланика показалась огромная лохматая голова.

— Медведь! — поразился Киманаху. — «Медведь-шатун, кто может быть хуже его, голодного, а потому свирепого. Осенью, видать, плохо откормился. Как ни соси лапу, а коль жир под кожей исчез, не улежишь в берлоге... Сколько бы оленей загубил». — И Киманаху, придерживав упряжку, выстрелил.

Когда со зверя сняли шкуру, то сзади она словно дробью избита. Так Нипполюкен зубами разделал.

Редко пастух ласкал лайку — не принято такое баловство на Севере. А тут не выдержал, прижал умную голову собаки к своей узорчато расшитой кухлянке и потрепал за ушами.

Почаевали, и Нипполюкен повел хозяина по следам испуганного стада. Бежит впереди, каждый встречный кустик проверяет, вдруг и там звериная засада.

Оленей догнали у истоков Апуки, у сопки Ильписхунай — «Щека».

Вот так за одну ночь Нипполюкен стал взрослым,

СОДЕРЖАНИЕ

	стр
В подводной западне	5
Глина	27
Встреча	35
На сопке Ковран	43
В проливе Лонга	50
Километр	55
Камчатская береза	61
Из полевой книжки геолога	72
Елка на Кроноцком	79
Нипполюкен	90
Нескладное создание	96
Я рад, что ты живой	101